

Литература

- Арриан 2010: Тактическое искусство / Пер. А.К. Нефёдкина. СПб. (Fontes scripti antiqui).
Дандамаев М.А. 1985: Политическая история Ахеменидской державы. М.
Коннолли П. 2000: Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.
Нефёдкин А.К. 2001: Боевые колесницы и колесничии древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб.
Суворов А.В. 1980: Наука побеждать. М.
Татарников К.В. 2010: Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов. Т. II. М.
Nefedkin A.K. 2009: On the Origin of Greek Cavalry Shield in the Hellenistic Period // Klio. 91. 2, 356–366.
Schuchhardt P. 2009: Die Handhabung der Lanze in den Napoleonischen Kriegen. Gütersloh.
Snodgrass A.M. 1964: Carian Armourers. The Growth of a Tradition // JHS. 84, 107–118.

А.К. Нефёдкин,
доктор исторических наук, заместитель главного
редактора военно-исторического журнала
«Para bellum» (Санкт-Петербург)

© 2012 г.

Е.С. ДАНИЛОВ. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2011. 230 с.

В современном российском антиковедении кандидатские диссертации нечасто публикуются после защиты (и еще реже до нее) в виде монографий. Такое положение дел, думается, закономерно и вполне оправдано, учитывая сравнительно невысокий уровень многих защищаемых в настоящее время работ. Превращение диссертации в полноценную монографию, очевидно, можно приветствовать только при соблюдении нескольких неперенных условий: во-первых, само квалификационное сочинение, перерабатываемое в книгу, должно отличаться действительно высоким уровнем, оригинальностью и значимостью научных результатов; во-вторых, автору следует в должной мере овладеть «ремеслом историка» и отдавать себе отчет в особенностях жанра научной монографии, соответствующим образом их учитывая и понимая, что эта форма исследования предполагает гораздо большую меру самостоятельности и, стало быть, ответственности. Ибо исследователь, решившийся представить результаты своей работы широкой публике, оценивается по гораздо более строгим критериям, нежели соискатель ученой степени, который в наших нынешних условиях часто поставлен в весьма жесткие временные рамки и сталкивается со многими другими объективными трудностями.

Рецензируемая книга¹ является переработанным и дополненным вариантом диссертации «Военная разведка и контрразведка античного Рима (III в. до н.э. – IV в. н.э.)», защищенной автором в 2009 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Мне довелось выступить в качестве одного из официальных оппонентов на ее защите. Как и у всякого оппонента, у меня было немало критических замечаний как по формальным недочетам, так и по существу поднятых в диссертации проблем и сделанных автором выводов. В оппонентском отзыве были указаны спорные моменты и высказаны пожелания, рассчитанные на то, что диссертант в своей последующей научной работе сможет избежать досадных просчетов и типичных для начинающих исследователей ошибок, разовьет и скорректирует некоторые свои тезисы. Но в целом работа, интересная по своей тематике, свидетельствовала о немалом усердии, эрудиции и потенциале молодого историка и вполне соответствовала современным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

¹ Книга подготовлена и издана при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (проект 01.09.11), Госконтракт № 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование», а также РФФИ, грант № 10-06-00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных».

Должен сказать, что, получив примерно через год после защиты предложение выступить в качестве рецензента подготовленной на основе диссертации монографии, я, внимательно ознакомившись с ее текстом, ответил отказом, так как не без удивления обнаружил, что Е.С. Данилов не принял во внимание очень многие из замечаний, высказанных мною в оппонентском отзыве; причем без какой бы то ни было правки остались даже такие места, где достаточно было просто убрать отдельные несообразности, неудачные примеры, слишком наивные суждения и неуместные ссылки, изменить формулировки. По всей видимости, автор продолжил работу по совершенствованию текста, и в книге подобных мест стало заметно меньше. Тем не менее, Е.С. Данилов, выразив в предисловии признательность коллегам за высказанные замечания, предпочел остаться при своем мнении в целом ряде вопросов. Это, разумеется, неоспоримое право автора. Но многие из этих вопросов имеют принципиальный характер, что, как представляется, дает нам и моральное основание, и повод вступить с автором в полемику и, памятуя о большей строгости критериев оценки монографии по сравнению с диссертационной работой, более всерьезно рассмотреть содержание, результаты и форму исследования, представленного теперь в виде книги.

Книга состоит из трех глав, разделенных на параграфы, и включает три приложения, представляющие собой небольшие очерки, посвященные сюжетам², которые связаны с основной проблематикой книги, но не вписываются напрямую в ее общую структуру. В поле зрения автора находится широкий круг вопросов, относящихся к информационно-разведывательной деятельности, которые в предлагаемой комбинации еще не была предметом монографического исследования, и можно только приветствовать смелость молодого историка, взявшегося за разработку столь многоаспектной темы, причем в очень (если не сказать, слишком) широких хронологических рамках – от Пунических войн до IV в. н.э.

Свою основную цель автор видит в том, чтобы определить источники информации римской армии на тактическом и стратегическом уровнях, выявить роль различных боевых подразделений в деле сбора «оперативных данных»³, ответить на вопрос о существовании контрразведывательной деятельности в сфере полномочий вооруженных сил Римского государства. К достижению этой цели Е.С. Данилов подходит основательно, стараясь с максимальной полнотой использовать всю совокупность источников и современной научной литературы. В аннотации к книге указано, что библиография содержит 634 названия. Из них 234 – это источники, а 400 – исследования. Библиографический список и в самом деле выглядит внушительно и свидетельствует о большой начитанности автора. Правда, в прим. 668 (с. 201) сказано, что в список включены не все труды, на которые были даны ссылки по ходу изложения (573 наименования), но либо те работы, на которые автор ссылался не единожды, либо имеющие важное значение и особый интерес. Однако в примечаниях среди не вошедших в список работ встречаются довольно неожиданные и не всегда уместные⁴.

Что касается источников исследования, то в их использовании автором не все безупречно. Во-первых, это безнадежно устаревшие сборники надписей, изданные в середине XIX в., собраний греческих надписей нет вообще, а годы издания «L'année épigraphique» почему-то ограничены 1888–1961 годами. Во-вторых, в разделе «Нарративные источники» указаны не только повествовательные тексты, но и все литературно-художественные памятники, и лексикон «Суда», и специальные трактаты (Витрувия, Вегетия и др.). В-третьих, в библиографическом списке издания литературных источников на языке оригинала приведены в странном порядке: сочинения Авла Геллия, Цезаря, Солина, Плиний Старшего и Младшего, Веллея Патеркула, Вегетия, Фронтинуса расположены в соответствии с их личным или родовым именем (Авл, Гай, Флавий); тот же принцип отчасти применен и в разделе «Переводы источников на русский язык» (поэтому, скажем, разные издания перевода Валерия Максима оказались в разных местах, так же как и одно и то же издание труда Квинтилиана);

² Приложение 1 «Теория и практика участия римских полководцев в разведывательных операциях»; Приложение 2 «Рейнский поход Гая Калигулы»; Приложение 3 «Римский опыт осады городов: система наблюдения за противником».

³ Формулировка явно не удачная, поскольку оперативными данными на языке современных правоохранительных ведомств называют сведения, полученные *оперативным* путем, т.е. через информаторов, не состоящих в штате ведомства, или с помощью специальных методов наблюдения. Деятельность военной разведки, хотя и включает некоторые подобные средства, но к ним отнюдь не сводится.

⁴ Например: Гиро 2002 (прим. 282, с. 78); Вейс 1999 (прим. 373, с. 100); Вегнер 2002 (прим. 654, с. 178). Ссылаясь на подобные популярные и весьма старые работы (книга Гиро была впервые издана в 1893 г., иллюстрированная энциклопедия Вейса в 3-х томах – в 60-х годах XIX в., книга Вегнера – в 1873 г.), библиографический список можно умножать до бесконечности.

в некоторых случаях указаны не все переводчики⁵. В-четвертых, некоторые многотомные издания (Аммиана Марцеллина, Полибия) описаны как однотомные. Есть и другие погрешности в библиографическом описании, которое является важным компонентом научного аппарата, о чем не стоит забывать⁶. В-пятых, странно выглядит почти пятикратное превосходство переводов источников над оригиналами. В списке отсутствуют издания многих античных авторов: Элия Аристиды, Плутарха, ряда сочинений Ксенофонта, Афиней, Энея Тактика, Иосифа Флавия, Лукиана, Маврикия, Аврелия Виктора, Апулея, Квинтилиана, Макробия, Цицерона и других. Получается, что они изучались только в переводах⁷? Кроме того, в книге, на наш взгляд, далеко не в полном объеме использованы данные эпиграфики, что особенно сказывается при рассмотрении вопроса о разведывательных подразделениях императорской армии. Надписи не цитируются; игнорируется принятый в научной литературе порядок ссылок на издания надписей, в соответствии с которым указывается не только один корпус, но и другие сборники публикаций, если данная надпись опубликована и там, и там. Не привлекаются ни острака, ни папирусы, ни таблички из Виндоланды⁸, ни греческие надписи, хотя в них также встречаются упоминания о римских разведчиках (например IG III. 6771). Наконец, в одних случаях латинские и древнегреческие цитаты из источников даются с параллельным переводом, а в других оставлены без перевода (как правило, в тех случаях, когда цитируются сочинения, не переведенные на русский язык).

Остановимся на общем содержании и наиболее уязвимых для критики тезисах монографии.

Глава I «Стратегическая разведка Римского государства» открывается параграфом о дипломатической разведке, в котором внимание сосредоточено на негласных целях римских посольств, их секретном характере и разведывательных целях. В следующем параграфе «Предоставление информации римскими союзниками» автор констатирует, что союзники были большим подспорьем в стратегической разведке, но при этом смешивает совершенно разных субъектов, говоря не только об общинах и государствах, имевших официальные союзы с Римом, но и о своеобразных негласных союзниках – «агентах влияния», клиентах и гостеприимцах римских граждан. Приведя всего несколько примеров, датируемых от времен Ранней республики до периода Поздней империи, Е.С. Данилов тем не менее заключает, что «в период Империи происходили качественные изменения в системе поступления и обработки разведывательной информации стратегического уровня», чему способствовало, во-первых, поглощение сети зависимых государств и превращение их в провинции, а во-вторых, постепенное ослабление влияния сената на внешнеполитический курс государства (с. 40). Подобный вывод, однако, в свете приведенного автором материала не выглядит обоснованным. Более основательно рассмотрено использование торговцев для получения военно-разведывательной информации (§ 3). Но один из выводов, сделанных в данном разделе, звучит – по причине самой своей широты – голословно: само развитие торговли способствовало оптимизации потока разведывательной информации, а экономические спады, особенно кризис III века, негативно влияли на информационное обеспечение Империи (с. 48).

Менее всего нареканий вызывает параграф, посвященный географическим рекогносцировкам римской армии. Основное внимание здесь уделено походу Гая Петрония в Эфиопию; рассмотрены и некоторые другие экспедиции, предпринятые римлянами; ставится вопрос о значении информации,

⁵ Например, переводчиком «Римской истории» Аппиана, изданной в 2-х томах (М., 2006), назван только С.П. Кондратьев, хотя перевод «Гражданских войн», вошедший в это издание, выполнен, как известно, коллективом авторов под редакцией С.А. Жебелёва и О.О. Крюгера. Перевод сочинений Тацита, изданный в одном томе (М., 2001), приписан только А.С. Бобовичу, а «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского – только И.Л. Маяк, которая является ответственным редактором и одним из соавторов перевода, выполненного авторским коллективом.

⁶ Ибо, по точному замечанию У. Эко (2003, 77–78): «...нормы библиографического описания составляют собой, так сказать, красу научного этикета. Их соблюдение указывает на привычку к науке, а их нарушение выявляет выскочку и неуча и нередко бросает позорящую тень на работу, казалось бы, приличную на первый взгляд».

⁷ В связи с этим можно вспомнить хлесткую, но по сути верную фразу У. Эко (2003, 65): «Перевод источником не является. Это протез, как вставная челюсть или очки. Это способ кое-как достичь желаемой цели, если иначе ее достичь нельзя».

⁸ Между тем, для ряда освещаемых в книге сюжетов бесполезными могли бы быть, скажем, острака из Бу Нджем (Marichal 1992), дающее интересные сведения о жизни пограничного гарнизона в Нумидии. Свидетельства о подразделениях разведчиков (exploratores) имеются в папирусных документах из Дура-Европос (например P. Dur. 100); немаловажную информацию можно было бы почерпнуть из отчета (pridianum) в папирусе Ханта (British Museum Papyrus 2851 = Fink 1971, № 63) и других документов.

полученной в результате подобных рекогносцировок, для планирования внешней политики римского государства и для развития торговых контактов.

Главу II «Римская тактическая разведка в больших и малых войнах» автор начинает утверждением, что при всей ограниченности возможностей деятельность разведчиков древнего мира имела много общего с работой разведслужб наших дней, прежде всего с точки зрения основных источников тактической информации, к которым относятся сведения, получаемые от пленных и перебежчиков, местных жителей, перехват документов врага, слухи и т.д. Данные источники описываются достаточно подробно, с многочисленными примерами из сочинений античных авторов, но это изложение добавляет мало нового к тому, что достаточно хорошо известно.

Рассмотрение подразделений римской военной тактической разведки (§ 2–3) Е.С. Данилов начинает с так называемых *procuratores*⁹. Он, по сути дела, отвергает мнение Н. Остина и Н. Ранкова¹⁰, согласно которому эти «передовые бойцы» никогда не были в римской армии формально организованы на постоянной основе и не имели четко определенных функций. На основе аналогии с греческими *πρόδρομοι* автор стремится доказать, что они могли эффективно использоваться именно в разведывательной деятельности; при этом если греческие и македонские *πρόδρομοι* занимались разведкой дороги «перед ходом (!) основных сил», то «миссия римских прокураторов – выслеживание (!) вражеской диспозиции», и в этом они дублируют разведчиков-эксплораторов, но в позднеантичный и раннесредневековый период их роль сводится к разведке боем (с. 80). Однако в тех примерах, на которые ссылается автор, речь идет либо об отрядах конницы, выполнявшей роль передовых дозоров или авангарда на марше¹¹, либо о легковооруженных отрядах, призванных завязывать бой (*Veget. II. 15*), и только применительно к византийскому времени в прокураторах можно видеть подразделения, связанные с разведывательными функциями.

Что касается *exploratores*, то автор характеризует их конкретные обязанности, останавливается на организации и эволюции их подразделений, подробно пишет о критериях отбора и качествах, необходимых разведчикам, поощрениях и наказаниях, об их одежде и оружии. При этом, правда, не проводится детального анализа видов и численности различных подразделений, обозначаемых термином *exploratores*. Поэтому странно звучит вывод о том, что данный термин применялся античными авторами для обозначения *легионеров*, действовавших на вражеской территории в более или менее скрытой роли¹², хотя выше сам автор пишет об отрядах эксплораторов из вспомогательных войск и об их использовании для приграничного наблюдения (с. 90). Фактически «повисает в воздухе» и другой вывод: «Отличие римского разведчика от современного как раз и состоит в том, что основному объему навыков по самоконтролю, концентрации внимания и умению правильно вести беседу *exploratores* могли научиться, вероятно, только в обстановке непосредственного выполнения боевого задания. Наименее опытные лазутчики исполняли роль гонцов, профессионалы – засылались в тыл противника»¹³. Высказываются и другие сомнительные предположения: например, нотариий Гауденций, приставленный Констанцием к Юлиану, причисляется к эксплораторам, хотя нотариий – гражданская должность, и Гауденций был направлен к Юлиану в качестве согладателя, ничего общего не имеющего с военным разведчиком¹⁴.

Характеристику спекуляторов (§ 4) тоже нельзя признать удачной. Говоря о них, автор, по сути дела, не отличает техническое использование термина *speculator* от общего значения «лазутчик, согладатель», поэтому в их число попадают и рабы, и воин-туземец, и дезертир (с. 92, 97), которые никак не могли входить в состав регулярного подразделения; четко не разграничиваются функции спекуляторов в составе легионов, городских когорт, преторианской гвардии и *officia* провинциальных

⁹ В диссертации они не рассматривались.

¹⁰ Austin, Rankov 1995, 40.

¹¹ Из не приведенных автором упоминаний *πρόδρομοι* в этой функции см., например: *Cass. Dio. XLII. 42. 2; LI. 23. 5*.

¹² Здесь, как и ниже, утверждая, что есть и те пассажи античных авторов, где эксплораторы прямо не упоминаются, но могут подразумеваться, Е.С. Данилов воспроизводит выводы Н. Остина и Н. Ранкова (1995, 50), но ссылки на их работу не дает.

¹³ В прим. 324 к этому месту автор цитирует без перевода пассаж из письма Сенеки (Ер. 2. 5; точнее 2. 5–6), в котором сказано буквально следующее: «Сегодня вот на что натолкнулся я у Эпикура (ведь я частенько перехожу в чужой стан, не как перебежчик, а как лазутчик): “Веселая бедность, – говорит он, – вещь честная”» (пер. С.А. Ошерова). Связь этой цитаты с эксплоратором, хотя нотариий – трудна.

¹⁴ Очевидно, этот вывод сделан только на основании неверно истолкованных слов оригинала: *ad explorandos eius actus*. Но герундив от глагола *exploro* употреблен здесь явно не в терминологическом смысле. Автор в данном случае следует мнению Н. Остина и Н. Ранкова (1995, 49), но оно выглядит явной натяжкой.

наместников. А задачи, решаемые воинами в ранге спекуляторов в этих формированиях, безусловно, различались. В итоговом выводе, отмечая схожесть функций спекуляторов и эксплораторов, автор едва ли не главное различие между ними усматривает в том, что первые чаще, чем вторые, использовались для действий в ночное время суток и выискивали секретные убежища противника (с. 98). Но такой вывод никак не вытекает из рассмотренных источников. Безосновательно звучит утверждение (с. 93), что при Августе каждый легион включал по 10 спекуляторов¹⁵, действующих в контакте с регулярной пехотой, вспомогательными отрядами и эксплораторами¹⁶.

Встречаются в данном разделе и совсем удивительные вещи. Так, на с. 95 читаем фразу: «Исключительная полезность и незаметность спекуляторов в подобных делах [политическом шпионаже, пытках и убийствах. – А.М.] стала оправданием их существования». Она практически дословно, с малоудачной заменой только одного слова («незаменимость» на «незаметность»), повторяет текст статьи «Спекуляtores» в «Энциклопедии Римской империи» М. Бансона¹⁷. Через предложение обнаруживается еще одно почти дословное заимствование с той же страницы книги Бансона: «Император Нерон использовал спекуляторов [у Бансона – их] для выслеживания и разоблачения политических противников¹⁸, в частности участников знаменитого [у Бансона – известного] заговора Пизона 65 г.»¹⁹. Подобные казусы, граничащие с незатейливым плагиатом, заставляют всерьез задуматься о самостоятельности прочих суждений автора и достоверности ссылок на источники и литературу.

Допускает Е.С. Данилов и некоторые наивные суждения. Если с утверждением, что спекуляторы должны были иметь хорошее зрение и уметь ориентироваться по звездам, трудно не согласиться, то вряд ли правомерно заявлять, что основы астрономии должен был знать любой военный, а образные сравнения созвездий с перевязью меча или мифологическими персонажами могли использоваться в практических целях, в том числе разведчиками (с. 91–92). Справедливо отмечая, что слово *speculator* сохраняло значение «лазутчик, осведомитель», автор видит в этом «знакомое противопоставление: “разведчик” (*explorator*) и “шпион” (*speculator*)» и пишет, что при сопоставлении деятельности тех и других последние иногда выступают как вражеские разведчики, но античные авторы описывают их в негативных тонах скорее из-за роли палачей и политических шпионов, чем из-за принадлежности к неприятельскому лагерю (с. 98). В роли политических шпионов (т.е. тех, кого сейчас именуют агентами и осведомителями тайной полиции), как известно, выступали преимущественно спекуляторы из числа преторианцев; о подобных функциях легионных *speculatores* судить по имеющимся данным трудно. Стоит также отметить, что в разделе о спекуляторах ни словом не упоминается об известной по надписям должности *exercitator equitum speculatorum* – «инструктор конных разведчиков» (CIL X. 1127; XI. 395).

Более вразумительно написан заключительный параграф главы II, представляющий собой конкретный очерк о разновидностях кораблей, выполнявших разведывательные функции.

В главе III, посвященной римской контрразведке, неплохо описаны виды скрывавшейся военно-политической информации, меры по ее защите и способы ее кодирования и передачи, включая разные виды тайнописи и сигнальных систем (§ 1–2). Но и здесь встречаются непродуманные утверждения, с которыми невозможно согласиться. Например, автор заявляет, что государственная почта (*cursus publicus*) представляла собой наиболее удобный инструмент скрытого управления населением, контроля общественного мнения и влияния на него (с. 121–122). Вряд ли уместно упоминание шляпки гриба в числе писчих материалов, использовавшихся для записи секретных сведений, ибо этот пример, взятый из «Римской истории» Диона Кассия (LXVII. 8. 1), не относится к римской практике: гриб с надписью поднесли Траяну буры и другие варвары²⁰. В контрразведывательном плане трактуется система приграничного наблюдения (§ 3), хотя большая часть этого раздела посвящена общему, а потому очень поверхностному, описанию римской системы пограничной охраны. В итоге, конста-

¹⁵ Дается ссылка на надпись из Карнунта CIL III. 4452 (надо добавить: = 11093 = ILS 2382).

¹⁶ Здесь Е.С. Данилов ссылается на работу В. Юффре (1974, 65), но автор ничего такого не пишет, а только скажется в примечании на работе А. фон Домашевского и А. Джоунса, отмечая, что в состав *officium* наместника провинции, наряду с другими военными канцеляристами, входили и 10 спекуляторов. Число спекуляторов в *officia* наместников других провинций могло быть иным; ср., например: CIL II. 4122 = 4159 (Тарраконская Испания); CIL VIII. 2586 = ILS 2381 (официй легата III Августова легиона, он же наместник Нумидии).

¹⁷ Бансон 2001, 442.

¹⁸ Здесь автор в прим. 347 делает ссылку на Kelly 1957, но без указания страниц.

¹⁹ После этой фразы добавлена в скобках ссылка на Sen. De ira. I. 18. 4, а в прим. 348 – на книгу Rudich 2005 без указания страниц. Но в этой книге спекуляторы вообще не упоминаются ни разу!

²⁰ Предлагалось в тексте эпитомы исправить *μῆκης* – «гриб» на *λυκῆς* – «волчья шкура» (Dierauer 1868, 84), но эта конъектура не была принята.

тировав, что эта система была сложной, автор просто перечисляет ее основные элементы, такие, как дороги, войска и сеть укреплений (с. 135).

В разделе о фрументариях (§ 4) допущены явные натяжки. В частности, утверждается, что римские граждане уже с эпохи основания Города находились под бдительным контролем государства, примером чему является использование Тарквинием Гордым соглашения, скрытно следивших за настроениями и мыслями граждан (с. 136). Стоит ли видеть в этой информации нечто большее, чем литературный тоpos, часто встречающийся в характеристике правителей-тиранов? В период же Империи, по мнению автора, никто из римлян не избежал наблюдения со стороны фрументариев, вовлеченных со времени «бюрократической реформы Домициана»²¹ в шпионскую деятельность (с. 137, 140). В связи с таким обобщением следовало бы, наверное, задаться вопросом о численности фрументариев, чего автор не делает. В литературе общее число этих «агентов» оценивается от 200 до 800 человек²². Трудно представить, как этот небольшой контингент мог осуществлять тотальную слежку на просторах обширной римской державы с населением в 50–60 миллионов человек. Равным образом нельзя говорить о всепроникающем контроле более поздних *agentes in rebus*, рассматриваемых в § 5, общая штатная численность которых официально составляла в 430 г. 1174 человека (СTh. VI. 27. 23), а во времена Юстиниана выросла до 1248 человек, о чем упоминает и сам автор. Кроме того, высказывалось мнение о том, что *agentes in rebus* вообще нельзя считать «тайной полицией»²³.

При характеристике фрументариев и *agentes in rebus* Е.С. Данилов выходит за рамки темы военной контрразведки и больше внимания уделяет внутривластным функциям этих служб, так что в силу недостатка соответствующих данных ему приходится констатировать, что фрументарии имели косвенное отношение к военной разведке, хотя, занимаясь политическим шпионажем, они потенциально могли противодействовать внешней разведке других государств (с. 146). Однако соответствующих примеров не приводится. Поэтому выглядит малоубедительным общий вывод (с. 153) о том, что их деятельность можно охарактеризовать «как коммуникационную, контролирующую, охранительную и, стало быть, контрразведывательную», включающую заботу о пресечении подрывной деятельности в различных сферах общественной жизни, обеспечение безопасности информации и объектов государственного значения.

Заключение монографии, занимающее почти 13 страниц, чрезмерно затянуто. В нем практически дословно повторяются многие положения и выводы из основной части книги. Единственное, что автор добавляет к уже сказанному, – это тезис о сохранении и дальнейшей разработке римских принципов организации разведывательной службы в Византийской империи.

Надо сказать, что чтение книги существенно затрудняется формой подачи материала. К сожалению, хороший литературный слог никак нельзя назвать в числе достоинств рецензируемого труда. Примеры невнятности стиля очень многочисленны. Приведем лишь некоторые наиболее показательные (далее курсив наш. – А.М.).

С. 8. О Таците: «близкое знакомство с военным делом, обнаруженное им в исторических произведениях, послужило поводом к догадке, что Корнелий начал свою деятельность военной службой»²⁴.

С. 35: «империя перестала быть агрессором, выплачивая *дань* (!) варварским племенам в качестве *официальной формы дипломатических отношений*».

С. 38: «Данные, полученные от дипломатических контактов, *представляли интересы* тех, кто отправлял послов»²⁵.

С. 45: «информированность купцов служила идее мирового господства Рима»²⁶.

²¹ Связывая появление новых функций у фрументариев с Домицианом, автор ссылается на точку зрения В. Зиннигена (1961, 66). Но у последнего ни о какой бюрократической реформе не говорится, и что понимает под этой реформой Е.С. Данилов, остается загадкой.

²² См. соответственно Sinnigen 1961, 67; Austin, Rankov 1995, 152.

²³ Liebeschuetz 1970.

²⁴ Однако хорошо известен отзыв Т. Моммзена о Таците как «самого невоенного из всех писателей» (Моммзен 1995, 128, прим. 2). Впрочем, в этом вопросе ему решительно возражал Э. Харди (1910). Из более новых работ с оценкой Тацита как военного историка см. Wellesley 1969; Saddington 1991.

²⁵ После этой фразы автор ссылается на работу Millar 1982, 21. Но из всего, что хотя бы отдаленно может быть соотнесено с данным тезисом, в ней говорится только следующее: «Характер краткосрочной информации, доходившей до императора, очевидно, зависел от интересов и целей людей (главным образом отдельных правителей – или потенциальных правителей) за пределами Империи, либо от предположений наместников или военачальников на границах».

²⁶ При этом в примечание выносятся неточная цитата из Онасандра (Strat. 6. 14), якобы писавшего, что «полководец должен покровительствовать купцам». Но таких слов нет в оригинале, где сказано, что полководцу надлежит заботиться о сопровождении (*παρὰ πομπήν*) купцов по суше и морю,

С. 58: «Сам поход [Цезаря против парфян] не осуществился, но его планирование *не могло не обойтись* без интенсивного сбора данных...».

С. 70: «Диктатор Авл Постумий в период очередной *дислокации* (!) конфликта с латинами... решился на сражение...».

С. 71: «Нерон направил письмо²⁷ в сенат и через некоторое время информировал *их* (?) о плане действий. Вместе со своим товарищем, Марком Ливием Салинатором, *они* (?) разбили армию Газдрубала на реке Метавре, и Нерон *повернулся* к югу встретить Ганнибала, пока он не ушел. Ганнибал *едва* узнал, что произошло, *когда* голова его брата была подброшена в карфагенский лагерь».

С. 83: «При Траяне мобильные *соединения exploratores* в большом количестве были заняты на рейнской границе. В III в. они *замечены* в фортах на оборонительных рубежах, возведенных Септием Севером». Речь идет об отдельных *puneri* (отрядах) эксплораторов. Обычная численность *puneri* составляла 200 человек, и такое *подразделение* никак нельзя назвать *соединением*, под которым на военном языке понимается объединение нескольких воинских частей в составе таких формирований, как дивизия, корпус или армия.

С. 99: «На суше в этом плане действовали полевые разведчики, на море — разведывательные суда. *Оба образования*, вероятно, долго не были выделены в самостоятельные подразделения...».

С. 100: «В знаменитом противостоянии Рима с Карфагеном встречаются события, *запоминающиеся* своей связью с деятельностью лазутчиков».

С. 101: «Либуна представляла собой военное *гребно-парусное судно*...».

С. 109: «оборонная мощь *rax Romana*». О какой оборонной мощи может идти речь применительно к состоянию мира? Здесь явно латинское *rax* (мир как отсутствие войны) спутано с *orbis Romanus* (мир как географическое и политическое пространство).

С. 154: в числе мероприятий по предотвращению смут и политических катаклизмов названо «манипулирование внутренними врагами через дезинформацию».

С. 158: «*Наиболее заметные* категории военнопленных — патрульные и фуражиры. Это объясняется тем, что данные *субъекты* наиболее часто удаляются от основной дислокации своих войск»²⁸.

С. 165: «Выведывание чужих планов есть *общенациональный и вневременной* интерес».

С. 186: «Успешной осаде могла поспособствовать *любая справка*: планировка города, качество зданий, плотность застройки, подземные сооружения, водные источники».

Некоторые фразы составлены так, что приходится долго разгадывать их смысл. На с. 110 автор пишет: «Военную тайну соблюсти было нелегко: ведь следовало проявить явную активность против открытого врага, но так, чтобы потенциальный противник не знал, что перемещения воинских частей ослабили оборону рубежа». Страницей ниже читаем: «...римляне, прокладывая свои дороги, если не лишали врагов такой осведомленности²⁹, то, по крайней мере, усложняли им задачу вычисления точного маршрута вторжения»³⁰. Но римские дороги как раз и прокладывались для обеспечения коммуникаций при охране границ и при вторжениях на вражеские территории. Рассуждая о внутренних проблемах государства, которые необходимо было скрыть от противника, Е.С. Данилов упоминает и о Лже-Нероне, появившемся в Малой Азии в правление Тита, и о помощи, оказанной этому самозванцу парфянским царем Артабаном. На основе этого делается вывод: «Хотя возможности этого самозванца полностью раскрыты не были, сам факт иностранного вмешательства свидетельствует об отсутствии рычагов для соблюдения информационного заслона на границах» (с. 113–114)³¹. Трудно понять и такую фразу: «Тацит... дает два примера из жизни разведчиков, активно создающих

чтобы они могли в безопасности доставлять необходимые для войска припасы. К тому же остается загадкой, как этот пассаж, даже если принять толкование Е.С. Данилова, связан с идеей о мировом господстве Рима.

²⁷ Речь идет о письме Газдрубала к Ганнибалу, перехваченном римлянами в 207 г. до н.э.

²⁸ В прим. 615 к этому пассажию говорится, что тактическая разведка играла основополагающую роль в деле снабжения римской армии, благодаря ей фуражиры знали места сбора продовольствия и могли надеяться на безопасность (со ссылкой на Roth 1998, 322). На основе какой логики связаны в данном случае основной текст и примечание, опять-таки понять невозможно.

²⁹ Имеется в виду знание местными жителями путей сообщения в своей стране.

³⁰ Здесь дается ссылка на Фронтину (Strat. I. 3. 10). Но в этом пассаже говорится, что император Домициан для предотвращения неожиданных вылазок германцев из лесов и незаметных укрытий провел просеку длиной в 120 миль, обнажив тем самым вражеские убежища: *limitibus per centum viginti milia passuum actis... subiecit dicioni suae hostes, quorum refugia nudaverat*.

³¹ Здесь дана ссылка на *Dio Cass.* LXVIII. 19. 3 вместо правильной LXVII. 19. 3^b–3^c.

ситуации, при которых итоговая ложная информация могла быть собрана враждебной стороной и разрушительно подействовать на ее боевой дух»³² (с. 86–87).

На с. 159 автор так формулирует один из своих выводов: «В отношении перебежчиков вырисовывается такая закономерность. Выдача информации – второй шаг перебежчика на пути предательства после дезертирства. Награда за эту информацию следует после ее подтверждения событиями или другими источниками. Принятая дезинформация характеризует перебежчика как умелого шпиона». Дезертиры, перебежчики и замаскированные под них разведчики – это все-таки персонажи очень разного рода, чтобы их можно было вот так походя свести воедино. На с. 160 читаем еще одну малопонятную фразу: «Там, где обмен информацией ограничивался технической оснащенностью, употреблялся язык жестов».

Особо следует сказать о характере, точности и уместности ссылок на источники и литературу. Даже их выборочная сверка обнаруживает некоторые, мягко говоря, несообразности.

Цитируя в переводе С.И. Межирицкой речь Элия Аристиды «К Риму», Е.С. Данилов в ссылках обозначает ее как Panath., т.е., очевидно, «Панафинейская» (прим. 443, с. 121; прим. 468, с. 126). Указывая, что император Адриан использовал фрументариев для сбора сведений о личной жизни своих приближенных, автор ссылается на Диона Кассия (LXIX. 5. 1), у которого здесь ни о каких фрументариях вообще нет ни слова, а отмечены лишь такие черты императора, как дотошность, чрезмерная утонченность и любознательность. Неуместным выглядит указание при ссылках на *Scriptores historiae Augustae* имен авторов отдельных императорских жизнеописаний³³, поскольку уже давно признано, что все эти имена вымышлены, а весь сборник принадлежит перу одного неизвестного писателя. Е.С. Данилов вообще с чрезмерной доверчивостью оперирует сведениями из этого биографического сборника, делая на их основе некие обобщения (например, на с. 115 или 131).

В книге часто приводятся цитаты из источников, казалось бы, имеющие цель подтвердить, дополнить или проиллюстрировать мысль автор. Однако логическая связь между этими цитатами и высказываемыми положениями иногда оказывается трудноуловимой. На с. 34 автор констатирует: «Решение императора Адриана отказаться от дальнейших территориальных приобретений из-за колоссальных военных расходов могло перевести усилия имперской внешней политики в (!) стезю набравшей обороты дипломатической разведки». К этому тезису дается сноска с цитатой из жизнеописания Марка Аврелия: «Он [Марк] вел много переговоров с царями, закрепил мирные отношения со всеми прибывшими к нему царями и послами персов» (SHA. M. Aur. 26. 1). Спрашивается, какое отношение этот пассаж имеет к дипломатической разведке и почему она «набирала обороты»?

На с. 58 автор называет парфянскую кампанию Траяна «закономерным итогом проб и ошибок римских легионов на Востоке» и дает ссылку на Dio Cass. LXVIII. 17. 1, где говорится только о том, что предлогом к началу войны стало получение диадемы армянским царем не из рук римского императора, а от парфянского царя, но истинной причиной было стремление Траяна к славе. Утверждая, что после правления Августа можно зафиксировать еще только несколько чистых (?) рекогносцировок, Е.С. Данилов цитирует в прим. 226 (с. 59) слова Геродиана о том, что Август «обезопасил державу, отгородив ее великими реками, оплотом из рвов или гор, *необитаемой и непроходимой землей*» (курсив автора монографии). Перечисляя наказания, которым подвергались дезертиры и перебежчики в римской армии, автор цитирует Тацита (Germ. 12), который пишет о том, как обходились с предателями германцы (с. 68, прим. 252). Из рассказа Диона Кассия (LXVIII. 23. 2) о том, что Траян во время Парфянского похода через разведчиков распространял ложные сообщения о противнике, чтобы войны могли упражняться в тактическом искусстве и вместе с тем были готовы к любым опасностям³⁴, вряд ли можно заключить, что тренировки разведчиков «включали задания, связанные с осуществлением разведки и распространением дезинформации»³⁵ (с. 86).

³² Здесь автор, вслед за Н. Остином и Н. Ранковым, ссылается на Tac. Hist. II. 42; III. 54. В первом свидетельстве говорится о полученном солдатами Отона ложном сообщении об отпадении от Вителлия его армии, но при этом Тацит отмечает, что так и осталось невыясненным, распространился ли этот слух разведчиками вителлианцев, либо предателями среди отонианцев, либо случайно. Во втором отрывке рассказывается о том, что военачальники вителлианцев отпускали взятых в плен неприятелей, показав им свой лагерь, чтобы они донесли до Отона сведения о силе противной стороны.

³³ Например: с. 35; с. 73; с. 145; прим. 605, с. 154.

³⁴ Аналогичным образом поступал и Цезарь, чтобы держать своих солдат в боевой готовности (Suet. Caes. 65–66).

³⁵ Здесь Е.С. Данилов опять-таки воспроизводит мнение Остина и Ранкова (1995, 50), но без ссылки на их работу.

Отмечая, что подразделения *speculatores* действовали в ночных условиях, Е.С. Данилов приводит рассказ Валерия Максима (I. 6. 9) о том, что Марк Марцелл отправился ночью на разведку (*poste speculandi gratia*) с немногими воинами и погиб, угодив в засаду. Однако в этом свидетельстве ни о каком особом подразделении разведчиков нет и речи. Утверждая, что отдельные торговые пункты в зоне проживания варварских племен можно назвать постами разведки, Е.С. Данилов ссылается на Тацита (Germ. 41), но у римского историка речь идет о племени германдуров, с которым по причине его верности Риму торговля ведется не только на берегу Рейна, но и внутри страны, причем германдурам предоставлена и свобода передвижения по римской территории. В подкрепление вывода о том, что разведывательная деятельность купцов и торговцев была во многом самостоятельной инициативой, направленной на получение определенных льгот от властей и в первую очередь гарантий безопасности (с. 47), автор, кроме ссылки на двух античных историков (App. Pun. 5; 25; 86; Dio Cass. LIII. 26. 4), приводит в прим. 168 несколько цитат из сочинений Полибия, Саллюстия, Страбона, Лукана, в которых, однако, как и в приведенной ссылке, речь идет только о случаях ограбления и убийства купцов или об обеспечении римлянами безопасности торговли, но ничего не сказано о том, что в благодарность за это власти рассчитывали на встречные инициативы торговцев в деле сбора разведывательных сведений.

Показательный пример обхождения автора с источниками и литературой встречаем на с. 81. Здесь почти дословно повторяются фразы из книги Р. Шелдон, но без ссылки на нее. Е.С. Данилов пишет: «Разведывательные отряды должны были определить силу и расположение противника, по возможности взять пленных и допросить их. Такие операции были опасны тем, что можно было натолкнуться на неприятельские патрули». У Шелдон написано: «These troops had to determine the strength and dispositions of the foe, and take prisoners and interrogate them. Such clashes could become deadly if the enemy's scouts were out doing the same thing and they discovered one another»³⁶. Ниже, обращаясь вслед за Шелдон к интерпретации пассажа из «Диспозиции против аланов» Арриана, автор неверно воспроизводит далеко не безупречную точку зрения американской исследовательницы. Последняя пишет: «This division of the scouting screen into two groups is a very sensible arrangement, since one part can be used for the actual routine of scouting while the other may be kept somewhat back and dispatched by the officer in command for other missions». По Шелдон, получается, что конные разведчики были разделены на две группы, которые могли использоваться порознь, для выполнения разных задач. Но такая интерпретация никак не вытекает из текста, в котором говорится о построении в колонну по два: *τοὺς κατασκόπους ἰππέας ἐπὶ δύοιν τεταγμένους* (Arr. Ekt. 1)³⁷. У Е.С. Данилова, фактически принимающего ни на чем не основанное толкование Р. Шелдон, это построение превращается в две шеренги (!), одна из которых, как он пишет, «могла быть послана назад для предотвращения удара по арьергарду или на исполнение других задач». Остается только гадать, откуда появились эти шеренги и «предотвращение удара по арьергарду».

Создается впечатление, что некоторые ссылки на литературу нужны автору скорее для демонстрации собственной эрудиции, а не для ориентирования читателя в литературе вопроса, указания на мнения других исследователей или для подкрепления собственных суждений. Так, на с. 55–56 отмечается, что в 5 г. н.э. римский флот под началом Тиберия произвел разведку на всем побережье Северного моря, и к этому месту дается прим. 211: «О дальнейших событиях см.: Germanico. La Persona, la Personalità, il Personaggio nel bimillenario dalla nascita. Roma, 1987; *Jahn R.G. Der Römisch-Germanische Krieg* (9–16 n. Chr.). Bonn, 2001» (без указания страниц). Утверждая далее, что одной из причин более внимательного отношения римлян к географической науке в имперский период было много военных поражений в предшествующее время из-за плохих карт, Е.С. Данилов ссылается на нашу статью³⁸, в которой ни о чем подобном не говорится (с. 57). Ничего не сказано о высокой степени интеллекта, присущего римским разведчикам, в другой нашей работе³⁹, на которую ссылается автор (с. 88). Подобного рода примеры легко умножить.

Встречаются в работе и фактические ошибки, относящиеся как к основным проблемам книги, так и к различным попутным вопросам. Так, Филон Александрийский отнесен к грекоязычным историкам (с. 10), хотя вряд ли этого еврейского писателя можно назвать историком. «Стратегикос» Она-

³⁶ Sheldon 2005, 168.

³⁷ Комментарии к данному пассажи Арриана см. Перевалов 2010, 277; Арриан 2010, 215. А.К. Нефёдкин, не приводя никаких аргументов, определяет численность этого отряда в 24–30 человек, а С.М. Перевалов исходя из средней численности *pnumerus* считает, что этот отряд мог состоять из сотни-другой всадников. Налицо серьезное расхождение между специалистами, но Е.С. Данилов на нем никак не останавливается.

³⁸ Махлаюк 2002, 22.

³⁹ Махлаюк 2007.

сандра, по словам Е.С. Данилова, обычно датируется второй половиной I в. до н.э. (с. 11), тогда как в действительности он посвящен Квинту Веранию, консулу 49 г. н.э., позже – наместнику Британии, и, стало быть, написан в середине I в. н.э. *Stationes* (военные посты или таможенные пункты) на с. 46 названы *погостами*⁴⁰. На с. 185 автор называет Тита, проводившего рекогносцировку в окрестностях Иерусалима, *принцем*, хотя этот титул Тит получил лишь после того, как унаследовал власть своего отца.

Из более мелких огрехов отметим следующие. Клод Николе на с. 22 дважды именуется *Николет*. Издатель сочинений Арриана А.G. Roos назван Ross (с. 188). Автор неверно указал год издания книги Г.С. Кнабе «Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима» – 1994 вместо 1993. И таких lapsus calami немало на страницах книги, как и досадных опечаток, путаницы или отсутствия диакритиков в греческих словах (с. 76, 77, 150). Неудобства для читателя создает и сквозная, проходящая через все разделы книги нумерация примечаний.

В качестве общего итога следует констатировать, что соотношение реальных достоинств и существенных недостатков рассмотренной монографии оказывается явно не в пользу автора. То немногое, что можно отнести к первым, сводится к выбору интересной темы и отдельных ракурсов исследования, привлечению достаточно широкого круга источников и литературы, систематизации материала по географическим рекогносцировкам, способам кодирования и передачи информации и участию флота в разведывательных мероприятиях. Если же предельно кратко суммировать недостатки работы, то, помимо многочисленных технических и стилистических огрехов, к ним нужно отнести малую убедительность и банальность многих выводов, ошибки в работе с источниками, поверхностность многих построений, проистекающую отчасти из смешения материала, относящегося к совершенно разным историческим эпохам. Интересный и важный материал, собранный Е.С. Даниловым, – по большому счету – не нашел адекватного отражения на страницах монографии.

Возможно, заниматься столь придирчивым разбором этой, прямо сказать, неудачной книги и не стоило бы, если бы не два обстоятельства. Во-первых, при всех своих недостатках она показывает, что ее автор отнюдь не лишен способностей к исследовательской деятельности. Но чтобы рассчитывать на добротный результат, любые способности должны сочетаться с профессиональными навыками и опытом, которые приобретаются со временем, если не жалеть на это усилий и прислушиваться к критике. Надо только соотносить научные амбиции с должной мерой ответственности и профессионализма. Во-вторых, большинство отмеченных недостатков типичны для работ начинающих историков, и очень хотелось бы надеяться, что пример рассмотренной книги побудит их строже относиться к своему делу.

Литература

- Арриан 2010: Тактическое искусство / Пер., коммент., вступ. статья А.К. Нефёдкина. СПб.
Бансон М. 2001: Энциклопедия. Римская империя / Пер. с англ. М.
Вегнер В. 2002: Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян / Пер. с нем. Т. 2. М.
Вейс Г. 1999: История цивилизации / Пер. с нем. Т. 1. М.
Гиро П. 2002: Быт и нравы древних римлян / Сокращ. пер. с франц. Смоленск.
Махлаюк А.В. 2002: Scientia rei militaris (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии // Вестник Нижегородского гос. университета. Сер. История. Вып. 1, 13–31.
Махлаюк А.В. 2007: Интеллектуальные качества полководца в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 298–311.
Моммзен Т. 1995: История Рима / Пер. с нем. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб.
Перевалов С.М. 2010: Тактические трактаты Флавия Арриана. Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. М.
Эко У. 2003: Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки. Учебно-методическое пособие / Пер. с ит. Е. Костюкович. 2-е изд. М.
Austin N., Rankov N.B. 1995: Exploratio. Military and Political Intelligence in the Roman World. L.
Dierauer J. 1868: Beiträge zu einer kritischen Geschichte Trajans. Lpz.
Fink R.O. 1971: Roman Military Records on Papyrus. Ann Arbor.

⁴⁰ В русском языке с XVII в. это слово имеет значение «отдельно стоящая церковь с кладбищем; сельское кладбище».

Giuffrè V. 1974: La letteratura «de re militari». Appunti per una storia degli ordinamenti militari. Napoli.

Hardy E.G. 1910: Tacitus as a Military Historian in the «Histories» // The Journal of Philology. 31, 123–152.

Kelly J.M. 1957: Princeps Iudex. Eine Untersuchung zur Entwicklung und zu den Grundlagen der kaiserlichen Gerichtsbarkeit. Weimar.

Liebeschuetz J.H.W.G. 1970: [Rev. of] Blum W. *Curiosi und regendarii*. Untersuchungen zur geheimen Staatspolizei der Spätantike. München, 1969 // JRS. 60, 229–230.

Marichal R. 1992: Les ostraca de Bu Njem. Tripoli.

Millar F. 1982: Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B.C. to A.D. 378 // Britannia. 13, 1–23.

Roth J. 1998: The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235). Leiden.

Rudich V. 2005: Political Dissidence under Nero. The Price of Dissimulation. L.–N.Y.

Saddington D.B. 1991: Tacitus and the Roman Army // ANRW. II. 33. 5, 3484–3555.

Sheldon R.M. 2005: Intelligence Activities in Ancient Rome. L.

Sinnigen W.G. 1961: The Roman Secret Service // Classical Journal. 57, 2, 65–72.

Wellesley K. 1969: Tacitus as a Military Historian // Tacitus / T.A. Dorey (ed.). L., 63–97.

А.В. Махлаюк,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

© 2012 г.

ST. PFEIFFER (Hrsg.) Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz. Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte. Bd 3. Frankfurt am Main: Verlag Antike, 2007. 224 S., 16 Taf.

Начиная с 2002 г. в Трирском университете (Германия, федеральная земля Рейнланд-Пфальц) при поддержке Германского исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) работает специальный исследовательский проект, немецкое название которого можно перевести следующим образом: «Чужеродность и бедность. Изменения в формах включения и исключения от древности до современности» (Sonderforschungsbereich 600 «Fremdheit und Armut. Wandel von Inklusions- und Exklusionformen von der Antike bis zur Gegenwart»)¹. Одним из инициаторов этого проекта и руководителем его раздела «Возникновение и развитие мультикультурного общества в греко-римском Египте» (Teilprojekt A 1: Entstehung und Entwicklung einer multikulturellen Gesellschaft im griechisch-römischen Ägypten; осуществление этого раздела проекта завершилось в 2008 г.) стал признанный специалист в этой области древней истории профессор Трирского университета Хайнц Хайнен². Для осуществления данного проекта была создана специальная исследовательская группа, а в его рамках готовились не только индивидуальные, но и коллективные научные труды и проводились научные конференции по его тематике. Одной из них стал коллоквиум «Египет под властью чужеземных властителей: от персидской сатрапии до римской провинции», проведенный со сравнительно небольшим числом участников из ряда немецких научных центров в мае 2005 г. Исходя из заявленной темы коллоквиума, на нем были представлены доклады по всем этапам чужеземного владычества в Египте в данном хронологическом диапазоне; вполне объяснимо и то, что из этих 8 докладов 5 были посвящены птолемеевской тематике, не только освещенной изобильными и издавна изучаемыми источниками, но и «родной» для Х. Хайнена и его ученика и сотрудника в проведении коллоквиума и издании его материалов Шт. Пфайффера³. Конкретные сюжеты докладов были достаточно разнообразны,

¹ См. материалы проекта в целом на его ресурсе в сети Интернет: <http://www.sfb600.uni-trier.de/>; об одном из разделов данного проекта см. Хайнен, Чошкун 2005.

² Heinen 1972; 2006; 2009.

³ Pfeiffer 2004; 2008.